

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 42. «Выхожу я в путь, открытый взорам»

Выпуск № 207

Арсений Тарковский

Я надену кольцо из железа,
Подтяну поясок и пойду на восток.
Бей, таёжник, меня из обреза,
Жахни в сердце, браток, положи под кусток.

Схорони меня, друг, под осиной
И лицо мне прикрой придорожной парчой.
Чтобы пахло мне душной овчиной,
Восковою свечой и медвежьей мочой.

Сам себя потерял я в России.

1957

Даниил Андреев

Я не знаю, какие долины
Приютят мой случайный привал:
Кликнул вдаль меня клин журавлиный,
По родимым дорогам позвал.

Нет за мной ни грозы, ни погони;
Где ж вечернюю встречу звезду,
К чьим плечам прикоснутся ладони
Завтра в тёмном, бесшумном саду.

Мук и боли ничьей не хочу я,
Но луной залиты вечера,
И таинственно сердце, кочуя
По излучинам зла и добра.

Прохожу, наслаждаясь, страдая,
По широкой Руси прохожу –

Ах, длинна ещё жизнь молодая,
И далёк поворот к рубежу!

Снова море полей золотое,
Снова тучи, летящие прочь...
Высоко моё солнце святое,
Глубока моя синяя ночь.

1937-1950

Лариса Патракова

И землю целуя ступнями босыми,
Навстречу ей слух отверзая,
Я шла по исхоженной Богом России –
Ничьей-то душе не чужая.

Всё было знакомо в просторе без края,
И даль, как напев колыбельный,
Чарует меня, так, что дух замирает
На этой дороге бесцельной.

Все нивы, и ветры, и реки, и травы
Окутаны сном, как разлукой,
Всё спит откровенно, светло, не лукаво:
Ни вздоха, ни крика, ни звука...

И царственный сон, как ночная прохлада,
Над каждым дыханием вьётся...
Запеть? Разбудить? Ну а если не надо?
Здесь сон этот жизнью зовётся.

Выпуск № 887

Бахыт Кенжеев

И безнадежней всё, и проще –
вот дождь, которому нужна
одна берёзовая роща,
простуда, осень, тишина.

Дороги развезло. Темнеют
пустые церкви по холмам,
и жизнь вот-вот оцепенеет,
на незатейливый роман

похожа, где герой спросонья
в пустыне мечется мирской,
там, где под утро крупной солью
снежок посыпан городской,

и не в пустыне, а на узкой
постели, не в снегу – во сне,
на пропотевшей простыне,
всё рвётся, словно в сказке русской

дойти в железных сапогах
туда, где лезвием кинжала
река замерзшая лежала
в лесистых, чёрных берегах...

Лариса Патракова

И пьёшь как музыку:

Пять-шесть утра,
Декабрь, начало... В космосе России
Одно окно горит, одна звезда.
Над речкой Шельмой призраки-снега
И даль, как призрак, морок иль судьба:
Ни памятью, ни криком не осилить.
На белом – чёрной нотой человек,
Забор, собака, призраки дерева:
Покой как подо льдом и нет доверья
К себе самой, бредущей через снег.
След лешего: стопа наоборот,
Печь топиться, на ней лежит Емеля...
Над речкой Шельмой снежный хоровод:
Там кто-то стонет, плачет иль поёт –
Свой голос слышишь и себе не веришь.

Выпуск № 133

Сергей Есенин

Запели тёсаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я тёплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь – малиновое поле
И синь, упавшая в реку, –
Люблю до радости и боли
Твою озёрную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить –
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылём.

1916

Александр Блок

Осенняя воля

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнёт упругие кусты,
Битый камень лёг по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,

Но густых рябин в проезжих сёлах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, моё веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или – каменным путём влекомый
Нищий, распеваящий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас – свободных, юных, статных –
Умирает не любя...
Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

1905

Выпуск № 907

Бахыт Кенжеев

Первый погон или пряный посол –
что ты там нагородил?
Птичий язык индевеющих сёл
тих и не переводим.

Медленно спит обнаженный простор.
Немолодой инвалид,
молча ударив стаканом об стол,
в мёрзлое небо глядит,

а по земле проступает зима.
И над дорогой кривой
молча качает часовня с холма
луковою головой.

Что же ты учишь, ночной человек,
пальцами веки прикрыв,
трудную речь остывающих рек
и коченеющих ив?

Что ты выводил в несмежных мирах
линии на пятерне –
лисье убежище, волчий овраг,
заячий гон по стерне?

Лариса Патракова

И отчее слово в чужих, неумелых ладонях,
Как каменный выдох, которым нечаянно птицу убили...
Всю ночь за окном грызли землю крылатые кони,
И ласточки в гривах дремучих бесстрашно птенцов выводили...

Подобье старух, до озноба истраченных жизнью,
Вдоль чёрных заборов закатное солнце сосали...
А если из старого посоха ветка зелёная брызнет,
Её, для грядущей зимы, на дрова запасали.

И травы не знали, кого укрывают туманы,
И кто за верёвочку водит ослепшее солнце...
Где некому каяться – хлеб не вкуснее обмана,
Лишь птице убитой поётся, поётся, поётся...

И отчее слово в чужих, неумелых ладонях,
Как каменный выдох, которым нечаянно птицу убили...
И век за окном грызли землю крылатые кони,
И ласточки в гривах дремучих бесстрашно птенцов выводили.

Выпуск № 735

Александр Блок

из цикла «Родина»

Дикий ветер
Стёкла гнёт,
Ставни с петель
Буйно рвёт.

Час заутрени пасхальной,
Звон далёкий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лёд,
Там меня невеста ждёт...

Как мне скинуть злую дрёму,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую – чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всём,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий чёрный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стёкла гнёшь?
Ставни с петель
Дико рвёшь?

Лариса Патракова

Осознавая Родину, как сон,
Течёшь по перекрёсткам и дорогам:
Всё сумрачно, всё нелюдимо, строго
И Север, Север – с четырёх сторон...

Осознавая Родину, как страх,
Ложись в её память, словно в недра,
И там, на дне её живого бреда,
Очнёшься со свечою, но впотьмах.

Осознавая Родину, как мать,
Ползёшь ползком из страха, сна и боли:
Просить прощенья, полюбить, понять –
И сгинешь в её бешеном просторе.

Анна Ахматова

Родная земля

*И в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.*

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем её в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,

Да, для нас это хруст на зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим

Тот ни в чём не замешанный прах.

Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно – своею.

1961

Выпуск № 36

Алексей Толстой

И. С. Аксакову

Судя меня довольно строго,
В моих стихах находишь ты,
Что в них торжественности много
И слишком мало простоты.
Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил мой псалтырь.
Но я не чужд и здешней жизни;
Служа таинственной отчизне,
Я и в пылу душевных сил
О том, что близко, не забыл.
Поверь, и мне мила природа,
И быт родного нам народа –
Его стремленья я делю,
И всё земное я люблю,
Все ежедневные картины:
Поля, и сёла, и равнины,
И шум колеблемых лесов,
И звон косы в лугу росистом,
И пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков;
В степи чумацкие ночлеги,
И рек безбережный разлив,
И скрип кочующей телеги,
И вид волнующихся нив;
Люблю я тройку удалую,
И свист саней на всём бегу,
На славу кованную сбрую,
И золочёную дугу;
Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,
Где вниз по матушке по Волге
Идут бурлацкие суда;
И все мне дороги явленья,
Тобой описанные, друг,
Твои гражданские стремленья
И честной речи трезвый звук.
Но всё, что чисто и достойно,

Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель,
В тревоге вечной мироздания,
Есть грань высокого призванья
И окончательная цель?
Нет, в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я в них иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа;
И что её, всегда чаруя,
Зовёт и манит вдалеке –
О том поведать не могу я
На ежедневном языке.

1859

Николай Заболоцкий

Отдыхающие крестьяне

Толпа высоких мужиков
Сидела важно на бревне.
Обычай жизни был таков,
Досуги, милые вдвойне.
Царя ли свергнут или разом
Скотину волк на поле съест,
Они сидят, гуторя басом,
Про то да се узнав окрест.
Иногда во тьме ночной
Приносят длинную гармошку,
Извлекают резкие продолжительные звуки
И на травке молодой
Скачут страшными прыжками,
Взявшись за руки, толпой.
Вот толпа несётся, воеет,
Слышен запах потной кожи,
Музыканты рожи строят,
На чертей весьма похожи.
В громе, давке, кувырганье
«Эх, пошла! – кричат. – Наддай-ка!»

Реют бороды бараньи,
Стонет, воет балалайка.
«Эх, пошла!» И дым столбом,
От натуги бледны лица.
Многоногий пляшет ком,
Воет, стонет, веселится.
Но старцы сумрачной толпой
Сидят на бревнах меж домами,
И лунный свет, вися столбами,
Висит над ними как живой.
Тогда, привязанные к хатам,
Они глядят на этот мир,
Обсуждают, что такое атом,
Каков над воздухом эфир.
И скажет кто-нибудь, печалясь,
Что мы, пожалуй, не цари,
Что наверху плывут, качаясь,
Миров иные кубари.
Гром мечут, искры составляют,
Живых растеньями питают,
А мы, приклеены к земле,
Сидим, как птенчики в дупле.
Тогда крестьяне, созерцая
Природы стройные холмы,
Сидят, задумчиво мерцая
Глазами страшной старины.
Иной жуков наловит в шапку,
Глядит, внимателен и тих,
Какие есть у тварей лапки,
Какие крылышки у них.
Иной первоначальный астроном
Слагает из бересты телескоп,
И ворон с каменным крылом
Стоит на крыше, словно поп.
А на вершинах Зодиака,
Где слышен музыки орган,
Двенадцать люстр плывут из мрака,
Составив круглый караван.
И мы под ними, как малютки,
Сидим, считая день за днём,
И, в кучу складывая сутки,
Весь месяц в люстру отдаём.

Павел Васильев

Там, где течёт Иртыш

Под солнцем хорошо видна
У берегов цветная галька.
Свой гребень подняла волна
Крылом нацелившейся чайки.
Шумят листвою тальники,
Но справиться с собой не в силе,
На неокрепшие пески
Густые космы распустили.
Ой, звонок на ветру Иртыш!
На поворотах волны гибки.
В протоках медленных камыш
Зелёные качает зыбки...
Здесь в сорок лет не перебить
От корма ожиревшей птицы,
И от Алтая до Оби
Казачьи тянутся станицы.
По тем становищам реки
Не выжжены былые нравы,
Буянят часто казаки,
Не зная никакой управы.
Старинным праздником блинов,
Известной масленицей пряной,
Здесь перегон не одного
Роняет помертвелым с санок.
И на отцовских лошадях
Мальчишек озорные шайки
Съезжаются. И не шутя
Замахиваются нагайкой.
Не в меру здесь сердца стучат,
Не в меру здесь и любят люди.
Под тонкой кофтой у девчат
К четырнадцати набухают груди.
Ой, звонок на ветру Иртыш!
На поворотах волны гибки,
Под этим ветром не остыть
Лица рыбацкого улыбке.
Вода под вёслами кипит,
Над головою – лентой птицы.

От гор Алтая до Оби –
Казачьей вольницы станицы.

1927

Марина Цветаева

То-то в зеркальце – чуть брезжит –
Всё гляделась:
Хорошо ли для приезжих
Разоделась.

По серёжкам да по бусам
Стосковалась.
То-то с купчиком безусым
Целовалась.

Целовалась, обнималась –
Не стыдилась!
Всяк тебе: "Прости за малость!"
– "Сделай милость!"

Укатила в половодье
На три ночи.
Желтоглазое отродье!
Ум сорочий!

А на третью – взвыла Волга,
Ходит грозно.
Оступиться, что ли, долго
С перевозу?

Вот тебе и мех бобровый,
Шёлк турецкий!
Вот тебе и чернобровый
Сын купецкий!

Не купецкому же сыну
Плакать даром!
Укатил себе за винным
За товаром!

Бурлаки над нею, спящей,
Тянут барку. –
За помин души гулящей
Выпьем чарку.

1916

Сергей Есенин

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льёт теплынь.
Солнца струганые дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнётся лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметёт.

За лещужною сурьюмою –
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад весёлый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоённый сердцем взгляд.

1915

Выпуск № 1096

Иван Бунин

Отрава

Свекровь-госпожа в терему до полдён заспалась:
Спи, родная, спи, я одна, молода, убралась!
Серьгу и кольцо я в бору колдуну отдала,
Питьё на меду да на сладком корню развела.

И чёрен и смолен зелёный за теремом бор.
Сынок твой воротится, сыщёт под лавкой топор:
"Сынок, не буди меня: клонит старуху ко сну.
Сруби мне два дерева – ель да рудую сосну".

– Ин, ель на постель, а сосну? – "А её на кровать:
На бархате смольном в гробу золотом почивать,
На хвое примятой княгиню положите вы,
С болотною мятой округ восковой головы..."

Уж как же я буду за церковью выть, голосить!
Уж как же я выйду наране покосы косить!
В коралл, в костенику я косы свои уберу,
Шальнойю и дикой завьюсь, замотаюсь в бору!

1913

Марина Цветаева

Быть в аду нам, сёстры пылкие,
Пить нам адскую смолу, –
Нам, что каждою-то жилкою
Пели Господу хвалу!

Нам, над люлькой да над прялкой
Не клонившимся в ночи,
Уносимым лодкой валкою
Под полою епанчи.

В тонкие шелка китайские
Разнаряженным с утра,

Заводившим песни райские
У разбойного костра.

Нерадивым рукодельницам
– Шей не шей, а всё по швам! –
Плясовницам и свирельницам,
Всему миру – господам!

То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.
По острогам да по гульбищам
Прогулявшим небеса.

Прогулявшим в ночи звездные
В райском яблочном саду...
– Быть нам, девицы любезные,
Сёстры милые – в аду!

1915

Выпуск № 785

Владимир Набоков

Вьюга

Тень за тенью бежит – не догонит,
вдоль по стенке... Лежи, не ворчи.
Стонет ветер? И пусть себе стонет...
Иль тебе не тепло на печи?

Ночь лихая... Тоска избяная...
Что ж не спится? Иль ветра боюсь?
Это – Русь, а не вьюга степная!
Это корчится чёрная Русь!

Ах, как воет, как бьётся – кликуша!
Коли можешь – пойдя и спаси!
А тебе-то что? Полно, не слушай...
Обойдёмся и так, без Руси!

Стонет ветер всё тише и тише...
Да как взвизгнет! Ах, жутко в степи...

Завтра будут сугробы до крыши...
То-то вьюга! Да ну её! Спи.

1919

Сергей Есенин

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармониками желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта – река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поёт и про Чека.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!

1922

Выпуск № 1124

Иннокентий Анненский

Печальная страна

Печален из меди
Наш символ венчальный,
У нас и комедий
Финалы печальны...
Весёлых соседей
У нас inferнальны
Косматые шубы...
И только... *банальны*
Косматых медведей
От трепетных снедей
Кровавые губы.

Александр Блок

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счёт потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь – осенить себя крестом,
Тайком к заплёванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да ещё семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщёлкивая счёт,
Потом переслунить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краёв дороже мне.

1914

Выпуск № 1230

Бахыт Кенжеев

В. Ерофееву

Расскажи мне об ангелах. Именно
о певучих и певчих, о них,
изучивших нехитрую химию
человеческих глаз голубых.

Не беда, что в землистой обиде мы
изнываем от смертных забот, —
слабосильный товарищ невидимый
наше горе на ноты кладёт.

Проплывай паутинкой осеннею,
чудный голос неведомо чей, —
эта вера от века посеяна
в бесталанной отчизне моей.

Нагрели мы, накуролесили,
хоть стреляйся, хоть локти грызи.
Что ж ты плачешь, оплот мракобесия,
лебединые крылья в грязи?

Лариса Патракова

Ах ты, родина, земля обетованная:
Каждая берёзонька в слезах...
И за что такая доля, Богом данная?
А в ответ клин журавлиный в небесах.

Утро Светлого Христова Воскресения,
Как ладонь Господня ласка журавлей,

И пасхальное, ликующее пение
Над измученной бескрайностью полей...

И Воистину Воскресе загорается
Словно свеченька во тьме далёких лет...
Ах ты, родина, уродина, красавица –
И страшней тебя, и лучше тебя нет.

Ах ты, родина, земля обетованная,
Каждая берёзонька в крови.
И за что такая доля, Богом данная?
А в ответ в озябшем небе журавли.

Выпуск № 1293

Сергей Есенин

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чьё имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зелёный вечер под окном
На рукаве своём повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роня вёсла по озёрам...
И Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

1915

Марина Цветаева

Над синевой подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой, –

Калужской – песенной – привычной, и она
Смывает и смывает имена
Смиранных странников, во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, –

Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь, и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

1916

Лариса Патракова

Сны?..

Опять ухожу за тобой по дорогам,
Которым названья не знаю.
Приюты, разбитые храмы, остроги,
И снег никогда не растает...

Куда мы уходим, попутчик мой строгий,
И что там, за тем поворотом?
Приюты, разбитые храмы, остроги
И тяжкая ждёт нас работа...

Откуда взялись этот свет, эта ясность,
И снег на губах тает влагой...
Неужто дошли, мой попутчик прекрасный,
Мой спутник, мой солнечный ангел?

Выпуск № 1397

Сергей Есенин

Ещё не высох дождь вчерашний –
В траве зелёная вода!
Тоскуют брошенные пашни,
И вянет, вянет лебеда.

Брожу по улицам и лужам,
Осенний день пуглив и дик.
И в каждом встретившемся муже
Хочу постичь твой милый лик.

Ты всё загадочней и краше
Глядишь в неясные края.
О, для тебя лишь счастье наше
И дружба верная моя.

И если смерть по Божьей воле
Смежит глаза твои рукой,
Клянусь, что тенью в чистом поле
Пойду за смертью и тобой.

1916

Иван Бунин

Родине

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой сострадания
На ту, кто сотни вёрст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891

Александр Блок

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слёзы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, –
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле –
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

1908